

Глава 39

Напиток божественного древа

«Ты мне веришь?» — внезапно спросил Тан Сюэ.

«Что?» — не понял Те Хэнцю.

Тан Сюэ улыбнулся, его глаза превратились в полумесяцы: «Я хочу свернуть тебе шею. Ты позволишь?»

Сердце Те Хэнцю забилося в тревоге. «Едва ли кто-то обрадуется, если ему захотят свернуть шею!»

Тан Сюэ вдруг прижал ладонь к его затылку, и спина Те Хэнцю мгновенно напряглась.

Это чувство безысходности заставило его ощутить себя рыбой на разделочной доске.

Он смотрел на улыбающиеся губы Тан Сюэ, но страх рассеялся, сменившись странным чувством спокойствия.

Те Хэнцю расслабился и доверил свою шею чужим пальцам.

Пальцы на его затылке внезапно сжались, и от шеи до макушки раздался щелчок, словно вскрыли ржавый замок.

Те Хэнцю не успел испугаться, как почувствовал, что заблокированные меридианы внезапно прочистились, и боль почти прошла.

Он понял, что его шея болела из-за смещения позвонков.

Тан Сюэ только что вправил их.

Те Хэнцю открыл рот, но Тан Сюэ уже убрал руку.

Потеряв тепло его ладони, затылок ощутил прохладу.

Он посмотрел на Тан Сюэ и, кашлянув, произнёс: «Спасибо, старший брат Тан Сюэ».

Тан Сюэ, улыбаясь, ответил: «Не стоит благодарности».

Сказав это, он встряхнул рукавами: «Уже поздно, тебе пора отдыхать».

Проводив Тан Сюэ взглядом, Те Хэнцю лёг на кровать.

Из щели в окне просочился холодный аромат — запах старой сливы в саду, смешанный с дыханием божественного древа.

Возможно, люди — существа, ведомые обонянием, потому что этот уникальный аромат вернул Те Хэнцю в самые тёмные времена его жизни.

Он ворочался без сна, чувствуя давно забытую уязвимость.

Ведь некоторые раны, даже затянувшись, в похожую ненастную погоду всё равно начинают ныть.

Он глубоко выдохнул, глядя в потолок.

«Сон — это важно. Чтобы в будущем не страдать бессонницей, придётся всё-таки убить Лю Лю. Эх, я ведь такой честный и вынужденный на это человек!»

На следующее утро Усадьба божественного древа, окутанная лёгким туманом, была украшена фонарями и гирляндами.

Сегодня был великий день: гости со всех сторон съехались, чтобы поздравить Лю Лю с официальным вступлением в должность главы усадьбы.

Днём должно было состояться торжество, на котором все прибывшие из великих школ могли поднять кубки в его честь.

Однако вечером был запланирован частный пир. Этот пир был традицией, и на него приглашали лишь глав шести великих школ и их личных учеников.

В этот раз на торжество прибыл и Юэ Бочжи, поэтому он также был в числе приглашённых.

Те Хэнцю, Мин Чунь и Тан Сюэ следовали за Юэ Бочжи к месту проведения церемонии.

Место для пира было выбрано необычное — на самой вершине божественного древа.

Естественные сплетения ветвей образовывали извилистые тропы, ведущие к церемониальной площадке. Вокруг, подобно бахrome, свисали лианы, украшенные переливающимися на свету лентами. На могучих узловатых стволах висели фонарики-светлячки, в которых фитили сочились слезами с ароматом сосновой смолы.

Юэ Бочжи прибыл с опозданием. К тому времени главы всех школ уже заняли свои места. Среди присутствующих были самые влиятельные лидеры праведных школ: глава Школы Десяти тысяч мечей, глава Школы Сокрытого облака, глава Долины Короля лекарей, глава Павильона Небесных тайн, настоятель Храма Небесного звука и глава Дворца Парящих облаков.

Юэ Бочжи, появившийся последним, ступал сквозь туман, и все взгляды тут же устремились к нему.

Но он, не обращая ни на кого внимания, прошёл мимо, и подол его светлых одежд скользнул по покрытым мхом ступеням. Он направился прямо к пустому месту рядом с Юнь Сыгуем.

Среди гостей послышался шёпот: «Этот Юэ Бочжи и впрямь словно бессмертный, сошедший с небес, какая грация».

«Он даже превосходит фею Лофу былых времён».

«Не соглашусь, я видел фею Лофу. Она, хоть и была могущественна, но отличалась добротой, в отличие от высокомерного Юэ Бочжи».

«И то верно. На такое важное событие главы шести великих школ прибыли вовремя, а он опоздал...»

Юэ Бочжи, словно не слыша этих пересудов, обратился к Лю Лю, сидевшему во главе стола: «Я опоздал, надеюсь, глава усадьбы Лю простит меня».

Все тут же замолчали и уставились на Лю Лю, желая увидеть его реакцию на очередное проявление неуважения со стороны Юэ Бочжи.

Но Лю Лю лишь мягко улыбнулся: «Юэ-цзунь, что вы. Ваше присутствие — уже великая честь для нашей усадьбы».

Те Хэнцю, знавший истинную натуру Лю Лю, глядя на его любезность, подумал: «Какой же он лицемер!»

И Лю Лю действительно был лицемером.

Он помнил о вчерашней ране и, глядя на стоявших за спиной Юэ Бочжи Те Хэнцю и Мин Чуня, уже придумал, как с ними расправиться, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

Он с улыбкой отвёл взгляд и обратился к гостям: «Раз все почётные гости в сборе, начнём пир».

Все с нетерпением ждали начала.

Стольких могущественных совершенствующихся привлекала не только слава Усадьбы божественного дерева, но и то, что на каждом торжестве гостей угощали Напитком божественного дерева.

Этот напиток готовили из молодых побегов с верхушки дерева и корней из его узловатых оснований, с утренней росой с кончиков листьев, с добавлением столетнего духовного гриба и тысячелетнего снежного лотоса. Затем его сто лет выдерживали в подземном ледяном погребе.

Этот напиток обжигал горло, как лезвие, но питал духовные каналы, помогая прорваться через застои в совершенствовании и даруя как минимум десять лет прибавки к силе.

Напиток был чрезвычайно редок, но Усадьба божественного дерева по традиции каждые сто лет приглашала глав великих школ на дегустацию, чтобы укрепить дружеские связи.

И чтобы...

Чтобы никто не задавал лишних вопросов о том, как они удобряют своё божественное дерево.

Обычно даже самые низшие ученики-чернорабочие в школах совершенствующихся находились на стадии Переработки ци.

Но в Усадьбе божественного дерева было иначе. Каждый год они нанимали множество простых смертных для работы.

Когда-то и Те Хэнцю попал в усадьбу именно так.

Однако, кроме него, ни один из этих смертных не покинул усадьбу живым.

Праведные школы закрывали на это глаза, ведь они знали, что для того, чтобы пить Напиток божественного дерева, нужно, чтобы дерево цвело и плодоносило.

А для этого Усадьба божественного дерева должна была его хорошо удобрять.

Что именно служило удобрением, этих бессмертных не волновало.

Те Хэнцю вспомнил, как сам едва не стал удобрением для корней дерева, и, глядя на предвкушающих угощение почтенных глав, холодно усмехнулся.

Лю Лю трижды хлопнул в ладоши, и слуги в белых одеждах, словно стая рыб, поплыли между столами, разнося на подносах нефритовые чаши.

Когда Напиток божественного дерева поднесли Юэ Бочжи, тот, не глядя, равнодушно произнёс: «У меня больное сердце, мне нельзя пить вино».

Услышав его отказ, все, кроме Юнь Сыгуя, знавшего характер Юэ Бочжи, были крайне удивлены.

Гости смотрели на возвращённую чашу с драгоценным напитком с разным выражением лиц — кто-то с сожалением, кто-то с недоумением, а кто-то шептался: «Как можно отказаться от такого дара? Один глоток — и десять лет силы!»

Лю Лю тоже был удивлён отказом Юэ Бочжи, но не стал настаивать: «Раз так, то замените Юэ-цзуню вино на горячий чай».

Тут же к Юэ Бочжи подошёл слуга и, поклонившись, подал ему чашку с чаем.

Юэ Бочжи кивнул и принял её.

Лю Лю встал и поднял свою нефритовую чашу: «Благодарю всех, кто стал свидетелем моего вступления в должность. Первый тост — за небо, землю и божественное дерево, что хранит нашу усадьбу! Прошу всех выпить!»

Главы школ последовали его примеру, и драгоценный напиток в их чашах засветился голубоватым светом, отражаясь в их глазах.

Юэ Бочжи, хоть и не любил шумных сборищ, но не мог совсем уж пренебрегать приличиями. Он медленно встал, поднял свою чашку с чаем и сделал глоток.

Пир был в разгаре, аромат Напитка божественного дерева смешивался с туманом, создавая пьянящую атмосферу.

Лю Лю, глядя на гостей, едва заметно улыбнулся.

После трёх тостов на площадку выпорхнули танцовщицы в зелёных одеждах с длинными

рукавами.

Их юбки развевались, как крылья бабочек. Гости следили за их кружением, но постепенно их взгляды затуманились.

Глава Школы Десяти тысяч мечей вдруг нахмурился: «Вино... это вино...»

Главы школ переглянулись и попытались направить свою духовную силу, но она увязла, словно в болоте.

Юнь Сыгуй, осознав происходящее, в ужасе вскочил и посмотрел на Лю Лю: «Это вино... в нём что-то не так!»

Однако глава Долины Короля лекарей с недоверием возразил: «Невозможно!»

Он был знатоком ядов, и если бы в вине был яд, он бы его сразу почувствовал.

И он был прав.

Все знали о тайне удобрения божественного дерева и не доверяли усадьбе полностью.

Но многие годы они приходили сюда с главой Долины Короля лекарей, и каждый раз, выпив напиток, чувствовали прилив сил и ясность ума, поэтому в этот раз они потеряли бдительность.

Но... но что же пошло не так?!

Все взгляды устремились к Лю Лю.

Тот, улыбаясь, держал свою чашу: «Какой же это яд? — он усмехнулся. — В нём лишь сок из листьев и стеблей божественного дерева».

Верхушка дерева медленно закачалась, и его аромат смешался с запахом вина, создавая странный резонанс.

Глава Долины Короля лекарей побледнел, наконец поняв: «Мы отравлены миазмами божественного дерева...»

Миазмы божественного дерева были не обычным ядом, а хаотической энергией, которую корни дерева накапливали веками.

Эта энергия была сродни духовной силе мира, но разъедала духовные каналы совершенствующихся. Главы школ, хоть и были могущественны, но их сила зависела от каналов, которые теперь были забиты, словно грязью.

Глава Долины Короля лекарей был практически неуязвим для ядов, но эти миазмы были не ядом, а хаотической энергией, действующей непосредственно на духовные каналы. Она была невидима и бесформенна, проникая в тело с вином и смешиваясь с духовной силой. Глава Долины Короля лекарей мог распознать тысячи ядов, но не эту энергию. Когда он понял, что произошло, его сила уже была заперта, как зверь в клетке.

«Ты... зачем...» — на лицах гостей был шок.

Лю Лю, поглаживая край чаши, усмехнулся: «Напиток божественного древа так редок, на него уходит столько сил, а его приходится делить с вами, посторонними. Мой отец говорил, что это плата за мир и спокойствие».

Гости в ужасе попытались встать, но их конечности налились свинцом.

Юнь Сыгуй в панике посмотрел на Юэ Бочжи, но тот был бледен, и его пальцы впились в край стола — очевидно, в его чай тоже была добавлена хаотическая энергия.

Лю Лю медленно поднялся: «Мой покойный отец умел идти на уступки, но я не намерен терпеть это унижение».

Не успел он договорить, как всё древо содрогнулось.

Главы школ в ужасе посмотрели вниз и увидели, как от корней поднимается кровавый туман, смешанный с землёй, словно что-то собиралось вырваться наружу.

Лю Лю, подняв руку к небу, улыбнулся: «Смертные — не лучшее удобрение!»

Он окинул взглядом присутствующих: «Лишь кости и кровь бессмертных достойны питать это тысячелетнее древо».

Не успел он договорить, как кровавый туман сгустился в огромную пасть и устремился к гостям.

Все в ужасе пытались бежать, но их тела, словно опутанные лианами, не слушались.

Сердце Те Хэнцю ёкнуло. «Неудивительно, что Лю Лю был так спокоен последние два дня. Он готовил эту ловушку!»

Те Хэнцю, Хэ Чуми, Вань Лайцзин и другие ученики, сопровождавшие своих наставников, хоть и не пили вино, но сейчас стояли бледные и не могли пошевелиться.

Сила Лю Лю была велика, к тому же его поддерживало божественное древо. Они, простые ученики, даже без яда не имели ни единого шанса.

Те Хэнцю невольно посмотрел на Мин Чуня и Тан Сюэ, надеясь, что они смогут что-то сделать, но те тоже едва держались на ногах.

«Плохо дело, очень плохо», — пронеслось в голове у Те Хэнцю.

Божественное древо внезапно выросло на сотни чжанов, его ветви, словно зелёные тучи, нависли над ними.

У Те Хэнцю закружилась голова. «Дерево... дерево стало больше?»

Он прикусил язык.

Боль немного привела его в чувство, и он понял:

Не дерево стало больше — это они уменьшились!

Теперь они были словно муравьи, а божественное древо — их тюрьмой.

Лю Лю стоял на вершине древа и, поймав парящий лист, провёл пальцем по его прожилкам: «Мой отец всегда говорил, что, когда древо зацветёт, нужно пригласить вас полюбоваться. Но сейчас, мне кажется...»

Он сделал паузу и, отпустив лист, позволил ему закружиться и упасть на гостей.

Лёгкий, как пёрышко, лист теперь нёсся вниз с ураганным ветром. Уменьшившиеся люди, потеряв равновесие, покатались с ветвей, как горох.

Лю Лю, глядя сверху на этот хаос, закончил фразу, и его слова донеслись до них с ветром: «...вам больше подойдёт роль удобрения».

Те Хэнцю тоже пошатнулся, но его взгляд инстинктивно метнулся к Юэ Бочжи.

Белоснежная фигура потеряла равновесие раньше него и, словно пёрышко, полетела вниз.

«Юэ-цзунь!» — закричал он и бросился вперёд. Его пальцы едва коснулись холодного края одежды, но шёлк тут же выскользнул из его руки.

Глаза Те Хэнцю налились кровью, он смотрел, как белый плащ Юэ Бочжи исчезает в гуще листьев.

Ветка под его ногами сильно качнулась, он потерял равновесие и полетел вперёд.

В тот миг, когда он уже готов был сорваться, его талию что-то крепко схватило.

Те Хэнцю в ужасе обернулся и увидел руку Мин Чуня, на которой вздулись вены. Тот одной рукой держал его за пояс, а другой мёртвой хваткой вцепился в ветку.

«Чего застыл!» — прорычал Мин Чунь и, напрягшись, втащил его на ближайший лист.

Они сжались на обратной стороне листа размером с ладонь, слушая, как снаружи ветер рвёт крону древа.

Те Хэнцю, видя, что Мин Чунь в полном порядке, и глядя в ту сторону, где исчез Юэ Бочжи, хоть и не понимал, что происходит, но догадался: Мин Чунь — воплощение Юэ Бочжи, и раз с ним всё в порядке, то и с Юэ Бочжи тоже.

Это осознание заставило его напряжённую спину мгновенно расслабиться.

«У-а-а!» — зарыдал Те Хэнцю и, как осьминог, обхватил Мин Чуня за талию, уткнувшись лицом ему в плечо. — «Брат Мин Чунь, я так испугался!»

Мин Чунь, глядя на внезапно вцепившегося в него Те Хэнцю, потерял дар речи.

Тёплое дыхание юноши обожгло его шею, и в висках запульсировало.

Те Хэнцю, видевший падение Юэ Бочжи, был вне себя от страха.

Теперь же, обнимая тонкую талию Мин Чуня и вдыхая тот же холодный аромат, что и у Юэ-цзуня, он забыл обо всех приличиях и готов был зарыться лицом в его одежду.

Мин Чунь, наконец опомнившись, схватил его за шею и оттащил от себя: «Что ты на меня набрасываешься, как пёс?»

Те Хэнцю поднял голову и, увидев холод в глазах Мин Чуня, тут же сник.

Он поспешно отстранился, сел прямо и, опустив ресницы, тихо извинился: «Прости, я был слишком дерзок».

При этом он картинно тербил край своей одежды, изображая раскаяние.

Мин Чунь, слыша его бесконечные «брат», холодно произнёс: «Какой я тебе брат? Увидишь мужчину — и сразу брат да старший брат, никакой сдержанности. Где ты такому научился?»

<http://bllate.org/book/16975/1589523>